

контексте идеи синергетики, которые последнему из могижан русской философии А.Ф.Лосеву удалось успешно соединить с теорией отражения и философией символических форм [4].

Список литературы

1. Ищенко А.Н. Устойчивое развитие и алгоритмы присвоения (шесть эссе о глобалистике) / А.Н. Ищенко // В кн.: Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости (коллективная монография). – Донецк: ДонНТУ, 2014. – С. 157-185.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри / П. Слотердайк – СПб.: Наука, 2005. – 652 с.; Сферы. Макросферология. Т.2. Глобусы. – СПб.: Наука, 2007. – 1023 с.; Сферы. Плюральная сферология. Т.3. Пена. – СПб.: Наука, 2010. – 922 с.
4. Лосев А.Ф. Хаос и структура / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ СОЦИОЛОГИИ КАСТЕЛЬСА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ НАГЛЯДНЫХ ОБОБЩЕНИЙ

Гижя А.В.
(г. Донецк, ДНР)

Мануэль Кастельс является, видимо, одним из наиболее авторитетных ныне живущих социологов западного мира. Особый резонанс приобрела его трехтомная монография «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», вышедшая в 1996-1998 гг. На русский язык она переведена частично, но приведенного материала вполне достаточно для исчерпывающего представления о его, по крайней мере, некоторых, но существенных концептуализациях и основных определениях. В исследованиях специфики современного мира, как и в любой основательной научной теме, недостаточно простой описательности и приведения статистического материала. Чем осмысленней действует ученый, тем к более широким теоретическим обобщениям он прибегает и выходит, в пределе, на имманентную понятийно-терминологическую базу трактовок

рассматриваемой системы. При этом вырабатывается такой язык ее описания, который можно назвать естественным (собственным). Он несет сущностное ядро знаний и содержит развернутую логику данной системы. Заметим, что, по-видимому, эта логика в зависимости от поставленных задач и целевых установок способна распадаться на ряд взаимосвязанных описаний с большей или меньшей степенью не только общности, но и собственно истинности. В виде примера масштабных обобщающих систем интерпретационных знаний можно привести учения Маркса и Фрейда.

Кастельс действует в этом же универсализирующем ключе и задает максимально возможный теоретический горизонт своим исследованиям. Он приводит весьма обширный материал по описанию структуры современного мира, беря его как из собственных многолетних исследований, так и из работ многочисленных авторов. Иными словами, эмпирическая база его работы выглядит безупречной и научно добросовестной. Для осмысления и придания весомости эмпирии Кастельс приступает к обобщающей концептуализации, но тут скрыты очень серьезные и плохо решаемые проблемы, относящиеся к конкретизации и обоснованию уже собственно философского познания. Методика «здорового смысла» и наглядность здесь совершенно неуместны.

Заметим, что выход на собственный понятийно-терминологический язык совсем не обязательно требует новой проработки базовых (гегелевских) категорий под углом их некоего «развития», принципиальной содержательной трансформации. Многие задачи вполне адекватно ставятся и решаются в ракурсе гегелевской экспликации рациональной способности суждения и осознания. Более того, учение Гегеля заложило достаточную основу для конструктивной работы общественного сознания на многие поколения вперед, его творческий потенциал огромен, он не выработан и в малейшей степени.

Кастельс же приступает к разработке новых представлений о пространстве и времени, долженствующих раскрыть сущностную основу возникшего типа сетевой социальности как совершенно особого явления нашей современности, чье понимание не укладывается в традиционные классические представления, причем настолько, что требуется, по его мнению, коренная модификация

пространственно-временных характеристик социума. Признаем, что это законное право любого автора – видеть теоретические горизонты особым образом и по своему усмотрению компоновать концептуальную схематику для эмпирических элементов исследования. Но автор должен свою понятийную схему обосновать в исключительно точно выдержанных дефинициях так, чтобы обеспечить выполнение основных принципов истинностного мышления – внутренней согласованности, преемственности и обязательности проводимого расширения. Выполнение первого положения при игнорировании остальных двух ведет к схоластической эквилибристике необеспеченных собственным содержанием понятий, имеющей необязательный и в целом игровой характер.

Прежде чем рассмотреть предлагаемую Кастельсом революционную трансформацию категорий времени и пространства, зададимся вопросом: есть ли, например, у Маркса подобный пересмотр базовых категорий в соответствии с его грандиозным замыслом научного рассмотрения политэкономии капитализма и всей огромной совокупности связанных с этим попутных проблем? Ответ будет отрицательный, Маркс пользуется, в основном, понятием «рабочее время» с его обычной хронологической характеристикой. Он его трактует как «количественное бытие труда» [3, с. 17]. И совершенно четко фиксирует, что «Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д.» [там же]. О новом видении пространства также нет речи, Маркс не стремится неким образом изменить категориальную основу теоретизации путем пересмотра обычных представлений о времени и пространстве.

Между прочим, с позиций выработки необходимого для исследования методологического инструментария, Маркс поступает подобно тому, как в свое время подходил к делу Ньютон: оба ввели термин «время», но внятно оговорили его конкретно инструментально-прикладной характер, вытекающий из общей предметно поставленной познавательной программы. Иными словами, они не считали нужным ставить вопрос о коренном пересмотре базовых категорий, чья содержательность всегда не вполне определена в ракурсе предельных обобщений, но вполне фиксируется на контекстуальной основе предметно очерченной задачи.

В противоположность этому подходу Кастельс претендует на утверждение революционных изменений, он заявляет, что «новая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения человеческой жизни» [2]. Каким же образом? Основной тезис в плане пересмотра пространственных взглядов – в переходе от пространства мест к пространству потоков: «Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении. Материальный фундамент новой культуры есть *пространство потоков и вневременное время*» [там же].

Здесь присутствует, по крайней мере, два аспекта, имеющие сомнительную теоретическую ценность. Первое, излишнее сопряжение с термином «потоки» термина «пространство». Представим, что последний мы убрали, изменит ли это что-либо в содержании суждения Кастельса? Не изменит, поскольку потоки произвольной природы – будь то физические величины температуры, массы и проч., или потоки капиталов, материальных ресурсов, миграции населения – все это, так или иначе, происходит в обычном евклидовом пространстве трех измерений. Кастельс попросту сместил восприятие со статических элементов на динамическую составляющую, но исходный пространственно-временной базис при этом не претерпевает изменений. Второй аспект заключается в весьма небрежном обозначении пространства и времени как *материально-го* фундамента новой культуры. Такой взгляд смещает внимание с действительно материальных предпосылок культурного развития, корнящихся в структуре товарного и финансового (вос)производства условий существования общественного индивида, на отвлеченное концептуальное построение и заставляет видеть в произвольном и субъективном изменении идей источник трансформации культуры вообще.

Пространство и время, данные в действительно едином теоретическом охвате как время-пространство, имеют функционально-геометрическую природу [1, с. 307]. И если функционально-

процессуальная составляющая существенно меняется, но геометрическая компонента остается без изменений, то мы не имеем оснований говорить о смене типа времени-пространства. Все движения происходят в модифицированных рамках существующего обычного пространственно-временного базиса [там же, с. 323].

Список литературы

1. Гига А.В. Феномен времени и его интерпретация / А.В. Гига. - Харьков: Коллегиум, 2004. - 428 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 2.03.15).
3. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. - Собр. соч. 2-е изд. Т. 13, с. 1- 167.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК ФОРМА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Шуваева О. М.
(г. Ростов-на-Дону)

Научная фантастика (science-fiction) как жанр современной литературы (XX - нач. XXI в.), обусловленный контекстами технократической культуры и мышления, неслучайно становится ныне предметом многих научных исследований и философских спекуляций. Содержащийся в ней импульс к творческой импровизации по поводу будущего человека некоторым образом сопрягается с тем изменением, которое происходит в человеке и позволяет воспринимать его природу открытой и незавершенной. Человек современной культуры «обнаруживается» во все новых контекстах, произвольно меняет структуры собственной идентичности вследствие собственной неполной, часто лишь «виртуальной», актуализации. Будучи актуализацией «антропологического воображения» [1], научная фантастика не просто отражает вбирание технократической культурой и мышлением в свою орбиту всего «человеческого», но и сама становится «одним из немаловажных факторов по-